

А. К. Голиков

**Либеральная, консервативная, социалистическая идеи:
возможные пути политического управления российским обществом**

В статье ставится вопрос о возможности творческого синтеза положительных элементов либерализма, консерватизма и социализма в политическом управлении российским социумом на основе обновленной «русской идеи», в рамках которой идея восстановления российской государственности и социального правового строя объединится с ценностями православия, соборности или земства.

Ключевые слова: либерализм, консерватизм, социализм, российский социум, «русская идея», коммуникативный дискурс, соборность

Albert Golikov

**Liberal, conservative, socialist ideas:
the possible ways in political management of the Russian society**

In article the attention to the question on possibility of creative synthesis of positive elements of liberalism, conservatism and socialism in political management of the Russian society on the basis of updated «Russian idea» in which frameworks the idea of restoration of the Russian statehood and a social legal system will unite with values of Orthodoxy, conciliarism or zemstvo is brought.

Keywords: liberalism, conservatism, socialism, the Russian society, «Russian idea», a communicative discourse, conciliarism

Борьба за чистоту либеральных идей имела огромное значение для обнаружения и искоренения ложных форм либерализма. Истинно русский либерализм всегда отличался от западно-европейского и подражательного российского либерализма тем, что был защитником идеи *социальности*, адекватной российской народной почве. *Истинные* либералы – это *социальные* либералы, которые стояли за народ и его права, за его интересы, свободу, за *общее* благо. Сочетание стремлений к политической свободе и социальной реформе было характерной чертой русского либерализма, что, несомненно, сближало либералов с социалистами и умеренными консерваторами. Это мы могли заметить уже в концепциях раннего либерализма (М. Сперанский, И. Пнин, А. Куницын, П. Пестель, славянофилы) и позднее, в консервативных воззрениях Ф. Достоевского, Л. Тихомирова и других мыслителей.

В конце XIX – начале XX в. либералы и социалисты шли во многом к одинаковой практической цели, но с разных сторон: первые большее значение придавали личностному началу, индивидуальным интересам, социалисты – общественным интересам, фактору организационного сотрудничества и солидарности. И если либералы рисовали чрезмерно идеализированную модель будущего справедливого общества, выражая свое возмущение угнетением народа, побуждая, чаще на словах, власть снизойти к его бедствиям, то социалисты предпринимали

активные действия вплоть до призыва к применению самых радикальных акций, что, впрочем, не расходилось с классически либеральной правовой традицией использования *права на восстановление*, обоснованной еще в «Русской Правде» П. Пестеля. Идеино сближаясь по ряду целевых положений с социальным либерализмом, социалисты расходились с ним по вопросу средств и способов их реализации. Радикальная форма проведения этих идей и положений в жизнь нашла свое выражение у революционных народников (П. Лавров), анархистов (М. Бакунин), марксистов (Г. Плеханов, В. Ленин).

Что касается русского консерватизма и его возможного союза с социалистами, то вопрос этот крайне неоднозначен. Во второй половине XIX в. российский консерватизм развивался в двух направлениях: *почвенничества* – как продолжения славянофильской традиции с его критикой петровских прозападных порядков, с пропагандой русской самобытности и православного мессианизма; *народного монархизма* – с его идеями реанимации Земских соборов, «непосредственного» общения царя с народом, недопущения никаких новшеств и либеральных свобод в системе российского политического строя (демократических институтов, конституции, парламента, системы избирательных прав, всех форм эгалитарно-либеральной идеологии). Для этого направления был неприемлем буржуазный бюрократизм и привнесенный с Запада на

русскую почву социализм, который подвергался критике с позиции национальной исключительности и идеи «о загнивающем Западе».

Противоречивый характер русского консерватизма выразился в том, что, с одной стороны, юридически регламентируя воспитание в индивиде чувства сопричастности ценностям общегосударственного и общенационального значения (славянофилы, К. Леонтьев, Л. Тихомиров), консерватизм способствовал возникновению и упрочению общественных обязательств личности, скрепляя отношения личности с государством патриотическим чувством долга. В консервативном воззрении Ф. Достоевского заметны либерально-демократические элементы. В своем народе он видел спасение России, ее социально-политическое обновление. В его консервативном быте и менталитете он замечал органическое сочетание личностных и коллективистских начал, воплощавших дух свободы и идею соборности. В его понимании, как и других славянофилов, именно соборность, сочетая общественные и личные интересы, не лишала личность ее своеобразия, индивидуальности и свободы. С другой стороны, русский консерватизм конца XIX – начала XX в. на практике не стал серьезным реформистским фактором и на определенных этапах играл реакционную роль, выступая в качестве фактора, провоцирующего революционные ситуации (например, политико-правовой курс, проводимый К. Победоносцевым). Он не смог сыграть роль жизнесохраняющего и стабилизирующего фактора российского общества. Эту роль после Октябрьской революции взял на себя социализм, соединивший в себе идеи марксистского и русского народнического социализма, который оказался более способным ассимилировать принципы современного индустриального общества с традиционными принципами национального общинного уклада.

Представители наиболее радикального консерватизма, особенно церковные и ортодоксально-монархические его элементы, находясь в антагонистическом противостоянии как либерализму, так и социализму, в период установления советской власти превратились в контрреволюционную, антинародную силу.

В современной научной литературе и публицистике делается немало прогнозов относительно эволюции российского общественного сознания и идеологии. Ставится вопрос о возможности творческого синтеза либерализма, консерватизма и социализма на основе обновленной «русской идеи», в рамках которой идея восстановления российской государственности и социального правового строя объединится с ценностями православия, соборности или зем-

ства. Ответ на этот вопрос может дать только время. Не в малой степени это будет зависеть от того, как будут разрешаться противоречия либерализма, консерватизма и социализма по вопросу единства и равновесия общего (коллективного) и частного (индивидуального), личностного и государственного начал, частной и общественной собственности.

Если говорить о дегуманизирующих факторах современного «реформирования» России, насильственно разрушивших складывающуюся десятилетиями систему общественного развития, многие исследователи справедливо полагают, что в России традиционно сложились условия для развития такого единства и равновесия. Осмысливая будущее России, многие из них связывают его с общим (социалистическим) началом, ссылаясь на не утративших в сознании российского народа *коллективистских, общинных, соборных традиций*. Однако ныне, как справедливо замечает В. Пуляев, «ориентация исключительно на развитие общего начала, равно как и ориентация их только на развитие индивидуального начала, неприемлемы для современной России»¹. Безусловно, это дает основание говорить об условиях интеграции положительных элементов идеологической триады. Вместе с тем надо признать, что консолидирующих, организационных начал на базе подлинных консервативных, либеральных, социалистических сил в России пока нет.

Это чувствуется и в глобальном масштабе. В ряде стран, в условиях коррумпированной и нравственно разложившейся власти, под прикрытием либеральных лозунгов свободы, демократии, гражданского общества, часто орудуют «политические маньяки», космополитические интриганы, связанные с глобалистскими наднациональными структурами (типа «комитета трехсот»² и тайными группировками современного мондиализма с центрами в США и Англии³). Например, главная цель «Комитета трехсот», как подчеркивает американский экономист, политический и общественный деятель Л. Ларуш, заключается «в создании единого государства, контролируемого из одного центра банкирами-олигархами, которые стремятся захватить безраздельную власть над миром, чтобы по своему произволу решать, кому жить и развиваться, а кому умереть». Именно «эта организация проводит политику геноцида в России»⁴ при поддержке коррумпированной части российской бюрократии и преследующих свои корыстные интересы предателей нации.

Силы общества разрознены и не готовы к борьбе с этим хорошо организованным злом, хотя людям все более становится ясно, что

альтернативы, кроме как соединиться в *общечеловеческом гуманистическом братстве, солидарности, соборности* при всем многообразии и самобытности культур, нет. Все должны выжить и вместе дать «ответ» на «вызовы» разрушающейся человеческой цивилизации. Речь должна идти о рациональном взаимодействии разнообразия культур человеческой цивилизации в противопоставление хантингтоновскому пессимизму: неизбежности физического столкновения сторонников западной цивилизации, претендующих на универсальную монополию либеральных ценностей, с незападными цивилизациями, защитниками ценностей своих традиционных культур.

Несмотря на некоторые положительные тенденции (восстановление единого правового пространства, борьба с региональной самостийностью, робкое решение социальных программ), к сожалению, в нашей стране нет определенной национальной стратегии, конкретной модели возрождения России и защиты ее от посягательств извне. Ее нет ни у президента, ни у министров, ни у партии «Единая Россия». М. Афанасьев, бывший сотрудник администрации президента, ныне директор по стратегиям и аналитике группы компаний «Николо М», заметил: «Среди пестрой толпы политических игроков не видно реальных субъектов политики, самостоятельного действующих фигур. Никто не предлагает вариантов национальной стратегии и не проявляет воли к реализации этой стратегии. Даже казавшийся незыблемым тезис, согласно которому единственным фактором российской политики является президент В. Путин, сегодня весьма скромнен»⁵. Похоже он скромнен и при президенте Д. Медведеве. Со всей очевидностью просматривается решимость части политически властвующей элиты, опирающейся на благотворительность олигархов, идти по пути дальнейшего сознательного и не сознательного разрушения России.

В условиях, когда наметились либерально-консервативные тенденции укрепления государственных начал, усиления роли властных полномочий президента при полной поддержке партии «Единая Россия», казалось бы, кому, как ни президенту ныне позволено взять на себя национально-патриотическую роль и послужить на благо Отечества и своего народа. Ведь Россия в своей истории всегда «основывалась... единоначалием, гибла от разновластия, а спасалась мудрым самодержавием» (о чем писали М. Ломоносов, Н. Карамзин). Еще Платон в «Законах» утверждал, что *даже тиран*, если «захочет изменить нравы государства, ему не потребуется особых усилий и слишком долго-

го времени создать наилучшее государство... если у человека величайшая власть соединяется с разумением и рассудительностью, возникает наилучший государственный строй и наилучшие законы – иного не дано»⁶.

В нашей стране в лице президента сосредоточена вся власть, все рычаги государственной власти и выстроена (правда, далеко недемократическая) исполнительная «вертикаль». В России сложилась парадоксальная ситуация в системе управления и принятия решений, при которой все нити сходятся к администрации Кремля. В соответствии с «*монархической*», по сути, конституцией президент может распустить Думу после трех ее недоверий правительству, отобрать власть у регионов, снимать и назначать своих губернаторов, поставить под контроль крупные корпорации и банки, которые при Ельцине правили страной и т. п. Таким образом, если в лице президента России явится истинный президент-патриот, он способен будет консолидировать общество вокруг идеи национального возрождения на основе солидарности и компромисса всех национально-патриотических сил. (Идея короля-патриота известна с XVIII в., ее хорошо обосновал английский просветитель Болингброк (Генри Сент Джон), и реально она реализована в Америке первыми ее президентами (см. А. Токвиль «Демократия в Америке»)).

И если в России сложилось так, что одна партия с названием «Единая Россия» при сильной власти президента стала *de facto* правящей партией, то кому, как ни ей открывается возможность выполнить миссию общенациональной и социальной консолидации страны по спасению Отечества. Однако, как показывает практика, никаких *реальных* действий по осуществлению данной исторической миссии ни президентской властью, ни пропрезидентской партией не предпринимается.

В нынешний кризисный период развития нашей государственности социальной базой *общенационального и социального единства* может стать подкрепляющий власть президента *альянс* партий, политических групп либерального, консервативного и социалистического типа, сформированный на подлинно соборных, охранительно-патриотических, общенациональных началах, альянс, идущий с народом и защищающий его интересы, а не интересы олигархических групп (растуших не по дням, а по часам), которые не заинтересованы вкладывать свои капиталы в разрушенную ими же российскую экономику, о чем свидетельствует интенсивный вывоз капитала за границу. Лучшие идеи этого альянса в ходе цивилизованного дискурса могли быть артикулированы и интегрированы в един-

ство национальной идеи. *Либеральный элемент* в защите социального статуса личности выступает за ограничение консервативных и коллективистских начал. Социальной базой либерализма являются представители крупного и среднего бизнеса (частью склонного к псевдолиберализму), мелкое и среднее предпринимательство, чиновничество различных уровней, небольшой средний по своим доходам слой интеллигенции. Либерализм ставит границы деятельности государства, ущемляющего права и свободы личности. Как показывает исторический опыт, парадокс последовательного либерализма заключается в том, что, исходя из примата личности в отношении «личность-государство», он часто заканчивается его утратой, поэтому без поддержки консервативного элемента либерализм теряет то, что приобрел.

Консервативный элемент может направить государственные усилия на излечение политических болезней, регулируя равновесие между свободой и порядком. В последнее десятилетие XX столетия консерватизм, как и социализм, везде оказался дееспособнее либерализма. Консерватизм может изменяться, заимствуя все лучшее от либералов и социалистов, сохраняя и совершенствуя то, что уже есть на принципах союза свободы, традиции и порядка.

Социалистический элемент направляет свои усилия на обеспечение благосостояния большинства народа. Социалисты-державники поддерживают идею неизменных национальных интересов. Не питая симпатий в отношении рыночной экономики и буржуазной демократии, они выступают за сильное социальное государство с элементами авторитарного правления и государственного контроля экономики, за сочетание личностных и государственных начал на основе принципов социалистического гуманизма и солидарности.

Ныне трудно представить, какие реальные формы может обрести идея единства лучших начал идеологической триады. Но ясно одно, что каждое из этих начал в целях преодоления кризисного состояния общества, достижения социальной и правовой базы его стабильности, не должно претендовать на монополию всего общественного демократического пространства. Любая политическая и идеологическая корпорация, претендующая на монополию, антисоциальна и антидемократична, ибо подлинная демократия есть такое состояние общества, при котором ни одно из идеологических и политических направлений, течений, партий не пользуется преимуществом как в виде господства большинства над меньшинством, так и меньшинства над большинством.

На повестке дня остро стоит вопрос о морали и идеологии власти, о способах исключения из орбиты ее влияния антинациональных, антипатриотических, антисоциальных и псевдолиберальных сил. От разрешения этой исходной проблемы в последнем счете зависит состояние жизнеспособности и развитие всех структур общества.

В реальной действительности, как нам представляется, имеет место столкновение ведущих идеологических течений на основе «*конфликта ценностей*» (используя терминологию М. Вебера). Всякое нормальное, в современном смысле, правовое общество функционирует при наличии взаимосдерживающего механизма ведущих идейно-политических течений, вступающих в коммуникативную связь. Благодаря такому механизму каждое из них, например, либерализм, консерватизм и социализм, «сохраняя собственную идентичность», «встраивает» в свою структуру элемент противостоящей стороны в качестве «ограничителя». Это ставит их в определенные рамки и не позволяет им вытворять то, что вздумается⁷.

В своем противостоянии друг другу все эти течения – и либерализм, и консерватизм, и социализм – многогранны и противоречивы и зачастую кажутся несовместимыми. Вместе с тем, как показывает современная практика, они не только сосуществуют, но и при осуществлении коммуникативной способности их сторонники могут вступать в цивилизованный диалог или, как модно ныне говорить, использовать *коммуникационный дискурс* (Ю. Хабермас), в ходе которого происходит дифференциация, интеллектуальная перегруппировка и интеграция идейного материала идеологической триады, образуя в определенных точках социально-интегративного взаимодействия комбинацию идей, приобретающих новый рациональный смысл и новую качественную форму идеологической коммуникации, «коммуникационную рациональность». Дискурс в данном случае выступает в качестве одной из разновидностей субъективной формы социальной интеграции. Объектом дискурсивного анализа часто становится механизм идеологической коммуникации.

Успех практики дискурса может быть достигнут: 1) на основе *социального консенсуса и разрешения «конфликта ценностей»* ведущих идеологий (истинно либеральной, консервативной и социалистической), социально-интегративного взаимодействия и комбинации их идей, приобретающих в ходе дискурса новый рациональный смысл и новую форму качественной целостности, способной противостоять деструктивным трансформациям социально-эко-

номических и политических процессов; 2) при обязательном признании участниками дискурса преемственности традиционных гуманистических ценностей (нравственных, культурных, религиозных и др.); 3) на их способности определить меру в достижении развитого динамичного и стабильного ритма в отношении личностного и государственного начал, определяющих менталитет российского народа. По существу, современная жизнь требует создания *нового мировоззрения, разрешающего, но не исключаящего конфликта ценностей*, дающего рациональный «ответ» на «вызовы» современной российской и общечеловеческой цивилизаций. Отсюда идеологическое и идейное *многообразие* и наличие института оппозиции, надлежащего быть средством предотвращения хаоса и тирании, фактором решения общенациональной и общесоциальной проблемы. Наличие этого института не означает его направленности на ослабление центральной власти, если она действует в соответствии с демократическими и общенациональными интересами. Напротив, он означает «подвергнуть себя спасительному контролю» (М. Бакунин), помогающему власти видеть свои отступления от нравственных основ, от социальной справедливости, от национальных традиций и интересов народа.

Энергетическим источником и объединяющим началом нового российского социума в наши дни может быть только *политическое сознание*, синтезирующее лучшие элементы идей идеологической триады, с его доминирующими ценностями *политической воли и политической этики*.

Примечания

¹ Пуляев В. Т. Россия в историческом пространстве: теорет. очерк. СПб., 2002. Вып. 2. С. 92.

² «Комитет трехсот» является «единственной организованной властной иерархией в мире, превосходящей все правительства и личности, какими бы сильными защищенными они не чувствовали себя». Он охватывает финансы, оборону, а также политические партии, правительства. См.: Колеман Дж. Комитет трехсот: тайны мирового правительства: пер. с англ. 3-е изд. М., 2004. С. 230.

³ О враждебных действиях «тайных сил» – политического сионизма, масонства и мондиализма см.: Бегунов Ю. К. Тайные силы России: сб. ст. и док. 4-е изд., доп. М., 2000.

⁴ См.: Ларуш Л. Мы вползаем в глубочайший кризис во всей мировой истории // Наш современник. 2001. № 7.

⁵ Афанасьев М. Конструирование лояльного либерализма // Полит. журн. 2004. № 41 (44). С. 28.

⁶ Платон. Соч.: в 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 162–163.

⁷ Рормозер Г., Френкин А. А. Новый консерватизм: вызов России. М., 1996. С. 100.